

УДК 911.3+01:327

Дружинин А. Г.

Евразийский вектор развития современной России: тюркская составляющая

Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных
проблем Южного федерального университета, Российская
Федерация, г. Ростов-на-Дону
e-mail: alexdru9@mail.ru

Аннотация. В статье акцентирована многовековая сопряжённость пространственного развития России и Тюркского мира, охарактеризованы особенности позиционирования регионов с весомой долей тюркской этнической составляющей в современной Российской Федерации, обоснован потенциал углубления партнёрства России с тюркскими государствами в различных интеграционных форматах.

Ключевые слова: общественная география, пространственное развитие, Россия, тюркские этносы, тюркские государства, евразийская интеграция, «Большая Евразия».

Введение

Развитие России, «необъятного, непокорного, разбегающегося пространства» (по характеристике философа И. А. Ильина [1]), «континента в себе» (согласно географу П. Н. Савицкому [2]), государства пограничного (по определению историка С. М. Соловьёва [3]), на всём протяжении многовековой истории теснейшим образом связано (как это, в частности, ярко и убедительно показал выдающийся географ, историк и этнолог-тюрколог Л. Н. Гумилёв [4]) с русско-тюркским взаимодействием, с распластавшейся широчайшей полосой по евразийскому пространству (от Балкан до Синьцзяна и Якутии) «россыпью» тюркских этносов.

С середины XVI столетия, продвигая на восток и юг Евразии свои рубежи, Российское государство последовательно вовлекало в орбиту влияния всё новые и новые тюркоязычные народы. В итоге, три столетия спустя, достигнув своих максимальных пространственных пределов, Российская Империя объединяла (как это, в частности, подмечал Ахмет Заки Валиди в своей книге «История тюрков и татар»[5]) месторазвития подавляющей части этнических составляющих Тюркского мира; при этом (согласно первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.) тюркские языки были родными для 13,9 млн человек [6], т. е. для 11 % жителей огромной (занимавшей тогда чуть более 40 % евразийского материка) страны. Характерно, что весь последующий период «тюркская составляющая» в населении стабильно увеличивалась; к моменту распада СССР в его пределах проживало (по переписи 1989 г.) 49,7 млн представителей тюркоязычных этносов (17,4 % всего населения); 11,6 млн из них [7], при этом, были сконцентрированы на территории РСФСР. Если бы Советский Союз (гипотетически) существовал и поныне, в нём (к 2017 году) насчитывалось бы не менее 70 млн тюркского населения, т. е. порядка 24 % от всего возможного

(если ориентироваться на суммарную современную численность населения постсоветских стран) демографического потенциала, и эта цифра наглядно иллюстрирует устойчивое (трендовое) изменение этнодемографических пропорций на евразийском пространстве. «Тюркский фактор» продолжает сохранять значение основополагающего, базового и для современной России (Российской Федерации), обретая силу и новые грани в контексте углубляющейся её «размолвки» с Западом, обозначившегося (прежде всего в экономической и, отчасти, военно-политической сфере) перехода к многополюсному миропорядку, стремления к конструированию новых интеграционных форматов, включая и так называемую «Большую Евразию».

Результаты и обсуждения

Тюркские этносы в пространстве современной России: численность и локализация

История неизменно проецируется на геопространство, последнее являет собой субстрат грядущей истории; в пространственной же «матрице» современной России «тюркская составляющая» достаточно существенна. Последняя из двух проведённых в постсоветский период переписей населения (2010 г.) зафиксировала наличие на территории Российской Федерации 24-х тюркоязычных этносов, различающихся своей численностью, локализацией, политико-территориальным статусом (наличием «собственного» субъекта Федерации), типом расселения, демографической динамикой (табл. 1).

Таблица 1.

**Тюркские этносы современной России
(согласно Всероссийской переписи населения 2010 года)***

	С основным ареалом локализации на территории Российской Федерации	С основным ареалом локализации вне территории Российской Федерации
С численностью более 5 млн чел.	татары (0,96**)	
С численностью от 1 до 2 млн чел.	<i>башкиры</i> *** (1,18), <i>чуваши</i> (0,81)	
С численностью от 200 тыс. до 1 млн чел.	<i>буряты</i> (1,11), <i>карачаевцы</i> (1,45), кумыки (1,82), <i>якуты</i> (1,26)	азербайджанцы (1,82), <i>казахи</i> (1,02), узбеки (2,26)
С численностью от 20 до 200 тыс. чел.	<i>алтайцы</i> (1,07), <i>балкарцы</i> (1,44), <i>ногайцы</i> (1,42), <i>тувинцы</i> (1,28), <i>хакасы</i> (0,94)	киргизы (2,51), <i>турки</i> (10,5), <i>туркмены</i> (0,95)
С численностью до 20 тыс. чел.	<i>долганы</i> (1,33), караимы (0,33)	гагаузы (1,4), каракалпаки (0,23), крымские татары (0,12), уйгуры (1,42)

* Составлено по данным Всероссийской переписи населения 2010 года

** Соотношение числа представителей этноса в 2010 г. к 1989 г.

*** *башкиры* – более 50 % численности выделенного курсивом этноса проживает в сельской местности

Если принять во внимание, что (по данным переписей) к 2010 гг. численность населения Российской Федерации составила 97 % к соответствующему показателю

1989 г. (для собственно русских – 93 %), то подавляющая часть тюркоязычных этносов (за исключением чувашей, хакасов и сверхмалочисленных – всего 200 человек – караимов) продемонстрировала высокую резистентность к охватившему страну (и достигшему своего «дна» к началу 2000-х) демографическому спаду. Этнодемографическая статистика отражает и устойчивое воспроизводство этнокультурной идентичности большинства тюркоязычных народов современной России. Суммарная численность находящихся на территории страны их представителей составила при этом 12,6 млн человек (т. е. за 1989 – 2010 гг. выросла на 8,6 %); наибольший вклад в подобную поступательную динамику (частично обеспечившую стабилизацию численности населения Российской Федерации) внесли азербайджанцы (рост численности на 247 тыс. чел.), башкиры (239 тыс.) и кумыки (226 тыс.).

В пространстве современной России («москвоцентричном», регионально стратифицированном, с существенными социально-экономическими градиентами и контрастами [8]) тюркские народы характеризуются компактно-дисперсной локализацией. Большая часть их представителей (58,5 % по данным последней переписи) сконцентрирована в 11 национальных республиках (субъектах Федерации), в 10 из которых «титულიность» соответствующего тюркского этноса акцентирована самим названием. С марта 2014 г. Россия пополнилась ещё одним регионом с существенной долей в населении «тюркской составляющей» – Республикой Крым (табл. 2).

Таблица 2.

Основные регионы локализации представителей тюркоязычных этносов в Российской Федерации*

Регион	Удельный вес региона в суммарной численности представителей всех тюркоязычных этносов в РФ, %	Удельный вес в населении представителей тюркоязычных этносов, %	Удельный вес представителей «титульного» этноса, проживающих в регионе, к общей численности данного этноса в РФ, %	Душевой ВВП в регионе к среднему по РФ**	Среднедушевые доходы населения в регионе к аналогичному показателю по РФ***
Республика Башкортостан	17,5	54,3	74,0	0,73	0,92
Республика Татарстан	17,2	57,2	37,9	1,07	1,06
Чувашская Республика	6,8	68,0	56,7	0,46	0,58
Республика Дагестан (кумыки)	4,8	21	86	0,42	0,92
Республика Саха (Якутия)	3,9	51,3	97,5	1,77	1,27
Республика Бурятия	2,4	30,9	62,0	0,47	0,82

Республика Крым	2,3	15,0	98,0	0,30	0,59
Республика Тува	2,0	82,1	95,1	0,34	0,46
Карачаево-Черкесская Республика	1,7	44,6	89,0	0,33	0,55
Кабардино-Балкарская Республика	0,9	13,3	97,3	0,33	0,64
Республика Алтай	0,66	40,3	93,2	0,44	0,58
Республика Хакасия	0,6	13,9	87,7	0,72	0,69

* Составлено по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., а также по данным Росстата

** данные Росстата за 2015 г.

*** данные Росстата за 2016 г.

В настоящее время на данную группу регионов приходится 23,9 % территории Российской Федерации, 12,6 % её населения и 8,6 % совокупного валового регионального продукта (ВРП). Характерно также, что все (за исключением Татарстана) «тюркские» регионы РФ концентрируют подавляющую часть «своего» этноса; лишь в пяти субъектах Федерации (Татарстане, Башкортостане, Чувашии, Якутии и Туве) в этнической структуре населения «тюркская составляющая» численно превалирует; только два региона (Татарстан и Якутия) характеризуются вышесредним по России уровнем хозяйственного развития (для социально-экономического благополучия остальных территорий существенное значение имеют различного рода межтерриториальные финансовые трансферты, в том числе и связанные с трудовыми миграциями, рекреационными потоками, бюджетной поддержкой).

За пределами данной совокупности территорий (выступающих своего рода «каркасом» тюркского этногенеза в России) достаточно крупные контингенты представителей тюркоязычных этносов на постоянной основе присутствуют в Москве и Московской области (3,5 % всего тюркского населения РФ), Астраханской области (1,7 %), а также в Санкт-Петербурге (0,7 %). В любом регионе России при этом представлен тюркский этнический компонент, выступающий, в итоге, как повсеместный, значимый, динамичный (в том числе и в связи с интенсивно развивающимися диаспорами из стран СНГ), плотно инкорпорированный в систему межрегиональных взаимодействий, федеративных и межгосударственных отношений.

Разумеется, в сопоставлении с СССР (в его структуре доля этнических русских составляла 50,8 %) современная Россия в целом существенно более однородна по этническому составу. Однако с учётом всей истории соразвития российских этносов, их современной локализации и специфики федеративного устройства страны Российскую Федерацию не следует воспринимать исключительно как мононациональное государство, тем более учитывая, что удельный вес русских в населении стабильно сокращается: в 1989 г. – 81,5 %, в 2002 – 79,8 %; в 2010 – 78 %. Рост полиэтничности России в этом контексте

обретает черты долгосрочной тенденции, географически проявляясь в сложной чересполосице моноэтнических (и моноконфессиональных) и полиэтнических территорий, росте и «укоренении» иноэтнических диаспор, наличии обширных этноконтактных зон и разномасштабных ареалов с интенсивной трансформацией этнодемографической структуры. Этнодемографические изменения проецируются на этнокультурную ситуацию, определяют её перспективу, предугаданную, в частности, почти полтора столетия тому назад И. Гаспринским, полагавшим, что «...в будущем, быть может, недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что... нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы» [9, с. 17].

Что же касается собственно тюркских этносов (как автохтонных, с месторазвитием на территории РФ, так и приуроченных в своей основе к иным составляющим евразийского пространства), то они являют собой не только одну из базовых составляющих этнодемографической, этнокультурной «палитры» России, но и фактор её этнополитической и политико-территориальной стабильности, социально-демографического и хозяйственного развития, а также один из приоритетных «скрепов», коммуникационных каналов во взаимоотношениях с другими сопредельными тюркскими государствами. Миграционное «поведение» населения этих стран, их геоэкономическое положение, геополитическая позиция, равно как и геокультурная специфика – уже в ближайшей перспективе станут оказывать всё возрастающее влияние на характер этнокультурного диалога во многих регионах и субрегионах России, предопределяя приоритетность в нём русско-тюркского межэтнического взаимодействия, а также соработности конфессиональных систем Православия и Ислама. Симптоматична (и отрадна!) в этой связи позиция Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, высказанная 21.07.2016 во время его посещения Татарстана, что «сегодня существуют очень сильные предпосылки, глобальные, не только национальные, к развитию отношений между православными и исламом. Мы принадлежим к одной восточной культуре...» [10].

Российская Федерация и тюркоязычные государства постсоветского пространства: пути интеграции в многополюсной «Большой Евразии»

После 1991 года (в связи с появлением на политической карте мира в качестве суверенных стран Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, а также Узбекистана) русско-тюркское взаимодействие в существенной мере обретает международную, транснациональную, трансграничную проекцию. Взаимозависимость Российской Федерации и возникших на её южных рубежах тюркских государств, казалось бы, временами, отчасти ослабевая (благодаря иссякающей геоисторической инерции СССР, геополитической и геоэкономической активности «третьих сил», гипертрафированной «вестернизированности» самой России, равно как и стремлению её партнёров по СНГ к выстраиванию многовекторных взаимодействий), при этом неизменно обретала (и продолжает обретать) новые стимулы, форматы и импульсы.

В постсоветский период на фоне практически всеобщей деиндустриализации «сырьевой крен» стал реальностью не только российской экономики, но и хозяйственных комплексов Азербайджана, Казахстана, Туркмении, Узбекистана, оказавшихся де-факто конкурентами на глобальном рынке энергоносителей и одновременно резко сократившими масштаб взаимного внешнеэкономического партнёрства. Симптоматично, что даже сейчас, в ситуации уже трёхлетнего

действия механизмов ЕАЭС и декларирования «разворота» России на Восток, удельный вес пяти тюркоязычных государств СНГ в структуре внешнеторгового оборота Российской Федерации за январь–ноябрь 2017 г. (по данным Федеральной таможенной службы РФ) не превышает 4,4 % (3 % приходится на долю Казахстана). Одновременно рельефно проявилась внешнеторговая сопряжённость южных соседей России (в первую очередь – Туркменистана) с Турцией и Китаем на фоне общей диверсификации (наиболее заметной для Азербайджана) международных торговых контактов (табл. 3).

Таблица 3.

Удельный вес сопредельных «центров силы» во внешней торговле ряда тюркских государств Центральной Азии, 2015 г., %*

	Доля в совокупном импорте страны, приходящаяся на				Доля в совокупном экспорте, приходящаяся на			
	Россию	Турцию	Китай	Иран	Россию	Турцию	Китай	Иран
Азербайджан	15,6	12,7	5,6	0,1	3,6	3,7	0,3	1,2
Казахстан	34,4	2,4	16,6	0,2	5,4	1,5	6,4	0,6
Киргизия	32,1	4,1	26,1	0,1	9,5	5,1	2,1	0,1
Туркменистан	14,8	32,7	14,4	0,0	0,7	5,6	78,8	0,0
Узбекистан	21,7	4,8	21,9	0,0	9,4	11,6	20,7	0,0

* Составлено автором по: <http://www.trademap.org/tradestat/Index.aspx>

Впрочем и в данном геоэкономическом контексте «историческая колея» межэтнического взаимодействия сохранила свою силу, обретая новую, значимую как для России, так и для подавляющей части тюркоязычных государств ипостась. Наблюдавшийся в России в «нулевые» годы пролонгированный экономический рост (за 2000–2013 гг. согласно статистике Всемирного банка ВВП страны по официальному обменному курсу вырос в 8,1 раза при среднемировом росте в 2,3) и резко проявившие к этому времени на постсоветском пространстве центро-периферийные градиенты привели к масштабному развитию транснациональных трудовых миграций («отходничества») в Россию. «Пик» этого явления пришёлся, безусловно, на 2013 год, когда на территории РФ только на официальных основаниях находилось 2,2 млн трудовых мигрантов (1,7 млн – представители постсоветских тюркоязычных государств, в том числе 1,07 млн – из Узбекистана [11]); масштаб же нелегальной трудовой миграции оценивался в 10 млн человек (характерно, что если в 1996 г. доля трудовых мигрантов из Центральной Азии в общем количестве иностранных трудовых мигрантов составляла лишь 6 %, то к 2013 г. – более 75 % [12]).

Динамику и финансовый эффект от «отходничества» наглядно (хотя и не полномасштабно) отражает ведомая Центральным банком России статистика сальдо трансграничных переводов физических лиц (табл. 4).

В последние два-три года возможность эффективного трудоустройства (ведения бизнеса) в России (значимая для Узбекистана, Азербайджана и, особенно, Кыргызстана, где, в частности, поступления от «отходничества» эквивалентны 20 % от всего ВВП страны) существенно лимитирована кризисом и динамикой валютных курсов. В перспективе трудовые миграции продолжают иметь место, сохраняя своё значение социально-экономического «амортизатора» для большинства государств Центральной Азии (в том числе и Узбекистана, демонстрирующего ныне сопоставимые с китайскими темпы экономического роста). Под их влиянием будут и далее прирастать диаспоры в крупнейших

городских центрах России, обеспечивая не только необходимый для неё баланс на рынках труда, но и воспроизводя приоритетную составляющую межстрановой взаимозависимости.

Таблица 4.

**Трансграничные переводы физических лиц из России (-)
и в Россию (+), млн долл. США***

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Узбекистан	- 5253	- 6100	- 4978	- 2548	- 2442
Кыргызстан	- 1577	- 1694	- 1637	- 1061	- 1415
Азербайджан	- 1003	- 1093	- 879	- 569	- 566
Туркменистан	- 3	+ 8	+ 44	+ 96	+ 46
Казахстан	+ 647	+ 680	+ 810	+1082	+ 616

** Составлено по данным Центрального банка России*

Имевшее место в 2014 г. падение нефтяных котировок, приведшее к существенному снижению ВВП стран – энергоэкспортеров (наиболее сильно кризис ударил по России и Азербайджану; за 2015 год ВВП в них сократился соответственно в 1,51 и 1,42 раза) чётко обозначило необходимость формирования консолидированной позиции двух государств (а также Казахстана, Туркменистана, Узбекистана) на глобальных рынках нефти и природного газа.

Достигнутый военно-политический успех в Сирийской Республике не только повысил конкурентоспособность Российской Федерации на рынке вооружений (из тюркских государств расходы на оборону наиболее существенны в Турции и Азербайджане), но продемонстрировал её реальную готовность выступать гарантом геостратегической стабильности в Центральной Азии и в регионе Прикаспия, повысив, тем самым, ценность интеграционного формата ОДКБ.

Присущий тюркским государствам демографический и экономический рост в условиях наблюдаемых природно-климатических изменений многократно актуализирует и традиционную для этих территорий (характеризуемых как этнической «чересполосицей» [13], так множественными конфликтами в сфере природопользования [14]) проблему устойчивого водообеспечения; их суммарная обеспеченность возобновляемыми водными ресурсами при этом на порядок уступает аналогичному показателю по России, предопределяя ещё один аспект долгосрочной евразийской интеграционной повестки.

Совместной для государств Центральной Азии, Азербайджана и соседствующих с ними регионов России (включая «тюркские») приоритетной задачей выступает и частичное преодоление (за счёт, прежде всего, развития сети магистральных железных и автодорог широтного и меридианального направления [15]) барьеров хозяйственного развития, порождённых особенностями внутриконтинентального положения. Определённые возможности для этого связаны не только с последовательными продуктивными (что симптоматично отмечают ведущие зарубежные эксперты [16]) усилиями Российской Федерации по развитию геоэкономически значимой для неё транспортно-логистической инфраструктуры, но и с возрастающей евразийской активностью Китая («Один пояс и один путь» [17]), а также с достаточно реальной в современном

геополитическом контексте перспективой реализации проекта МТК «Север–Юг» из российского Прикаспия через Азербайджан и далее – на Иран. Как справедливо отмечает казахский географ Шарипжан Надыров, Россия «хотела бы сохранить свое традиционное влияние в регионе за счет равноправного сотрудничества и добровольного восстановления политических и экономических связей на взаимовыгодной основе, для чего есть все основания» [18, с. 71].

Россия и Турецкая Республика: приоритеты и потенциал евразийского партнёрства

Из ныне существующих тюркоязычных государств Турецкая Республика и демографически, и экономически, и в военно-политическом отношении – наиболее мощное, обладающее внушительными (в особой мере проявившимися в постсоветский период) геополитическими и геоэкономическими амбициями, имеющими чётко выраженный (ещё со времен Мустафы Кемаля [19]) евразийский вектор.

В продолжительной (вмещающей более пяти столетий) ретроспективе российско-турецкого взаимодействия последняя четверть века – период особый, максимально насыщенный разномасштабными геоэкономическими и геополитическими событиями, характеризуемый трендовым «сближением» двух государств (испытывающих сложные внутренние метаморфозы, пребывающих в перманентном поиске достойного места в стремительно меняющемся мире) на фоне как аспектной, «пульсирующей» регионально сфокусированной активизации их бывшего соперничества в обширном евразийском ареале, так и попыток (в том числе реализованных, удачных) выстраивания форматов двухстороннего стратегического сотрудничества. Основным его мотивом, фундаментом и «скрепом» (как это многократно акцентировано и российскими [20; 21; 22], и турецкими [23; 24] аналитиками) выступает при этом экономика, прагматичные хозяйственные, в первую очередь торговые интересы.

Охвативший в 1990-е годы Россию и остальные постсоветские государства трансформационный спад в считанные годы «усилил» Турцию (табл. 5), позволил ей, выстроив собственные форматы взаимодействия (в том числе и с тюркоязычными государствами, а также с соответствующими регионами Российской Федерации), обрести статус значимой региональной державы.

Таблица 5.

Соотношение ВВП (по официальному обменному курсу) Турции, России и «тюркских» новых независимых государств (ВВП Турции = 100)*

	1990 г.	2000 г.	2008 г.	2013 г.	2015 г.
Турция	100	100	100	100	100
Россия	345	96	217	235	159
Азербайджан	6	2	6	8	6
Казахстан	18	7	17	25	21
Киргизия	2	1	1	1	1
Туркмения	2	1	2	4	4
Узбекистан	9	5	4	6	8

* Составлено автором по данным Всемирного банка
(<http://www5.worldbank.org/eca/russian/data/>)

Пришедшееся на «нулевые» годы одновременное наращивание экономического потенциала и России, и Турции (создававшее предпосылки для межгосударственной интеграции в условиях взаимной комплиментарности двух

стран общему формату реализуемого Западом глобалистского проекта) имело место в условиях последовательного смещения геоэкономического и геодемографического потенциала на восток, юг и юго-восток Евразии [25]. Опережающими (в сопоставлении со среднемировыми) темпами прирастала (обретая внешнеторговую многовекторность, проявляя всё больший интерес к странам Закавказья, Ближнего Востока, Центральной Азии) и турецкая экономика. На этом фоне уже с 2007 года турецкие политики и стратеги стали позиционировать свою страну как региональную державу, способную влиять на мировую политику [23]. Одновременно в базовых установках турецкого государства происходила смена националистической ориентации на исламистскую [26]; во внешней же политике Турецкой Республики при этом проявился явственный неосманистский тренд (наиболее рельефно – с приходом во власть А. Давутоглу). С рубежа 2007–2008 гг. обозначилось и противоречие (далее лишь нарастающее) во взаимоотношениях Запада и России, приступившей к воссозданию собственной геоэкономической и геополитической конструкции [27]. Новые геополитические и геоэкономические реалии (нарастание геополитической нестабильности и неустойчивости развития мировой экономики, резкое обострение глобальной конкуренции и неизбежный в этих условиях переход к многополярности [28]), а также внутренние политические и социально-экономические процессы предопределили вступление (с 2008 г.) двух стран в полосу пролонгированной турбулентности в своих взаимоотношениях.

Современные (с лета 2016 г.) отношения России и Турции – постконфронтационны и это означает, что наряду с позитивными устремлениями и ожиданиями в них в существенно большей (чем двумя годами ранее) мере присутствуют различного рода проблемные моменты и риски, подкрепляемые реанимированными страхами, мифами, образами «врага». Возрождаемые с ориентацией на опыт постсоветских десятилетий и достигнутые параметры сотрудничества («образца» 2008 года, позитивно «пикового» в плане оборота взаимной торговли, достигшей в тот период рекордных 38 млрд долларов США, или, например, 2013 г., когда Турцию посетило почти 4,5 млн российских туристов), эти отношения отличает ныне большая (чем в периоды, предшествующие ноябрю–декабрю 2015 г.) дистанцированность, неопределённость. Весьма неустойчив их геополитический контекст (симптоматично, что в актуальной версии «Концепции внешней политики Российской Федерации» [29] видение Турции совершенно не прояснено), а гуманитарный «скреп» (за исключением немногочисленных межнациональных браков да спорадических контактов в туристско-рекреационной сфере) так до сих пор и не создан.

Определённый потенциал воспроизводства демонстрируемого ранее уровня экономического партнёрства двух стран связан, прежде всего, с реализацией масштабного газотранспортного проекта «Турецкий поток». В 2016 г. «Газпром» (единственный российский поставщик природного газа в Турцию, занимающий чуть более 50 % соответствующего рынка этой страны) поставил турецким потребителям 27 млрд м³ голубого топлива, что эквивалентно (с учётом действующих цен) порядка 5 млрд долл. США, или около трети стоимостного объёма всего российского экспорта в Турцию. Ввод в эксплуатацию только первой ветки «Турецкого потока» (мощностью 15,75 млрд м³ в год) позволит перенаправить по ней весь объём газа, транспортируемого в настоящее время через

территорию Украины и, при этом, немного (на 10–12 %) увеличить экспортные возможности России. При ином геополитическом сценарии (сохранении «украинского маршрута») возникает вероятность существенного (в 1,5 раза) роста поставки, де-факто превращающего Турецкую Республику (в 2016 г. на неё пришлось 6,3 % объёма реализации «Газпрома», или 4,9 % всего добываемого в Российской Федерации природного газа) не только в важнейший (после Германии) зарубежный энергетический рынок, но и в плотно имплантированную в геоэкономические интересы России транзитную державу.

Если же учесть перспективу «многовекторности» энергетической (и не только) политики Турции, то геоэкономическая российско-турецкая взаимозависимость в средне- и долгосрочном временных горизонтах, в итоге, не только может возрасти (что, учитывая общеевразийские процессы видится позитивом), но и способна обрести более асимметричный (в пользу Турецкой Республики) формат. Фоном для этого явится дальнейшее трендовое выравнивание демографической и экономической «массы» двух стран, дополняемое пролонгированным военно-стратегическим балансом (основывающимся на ядерном потенциале России и принадлежности Турции к НАТО), сводящим к «нулю» вероятность любого рода попыток задеирования «фактора силы» в двухсторонних отношениях и, тем самым, как бы «программируя» их на более конструктивные сценарии, ориентирующиеся на использование возможностей геостратегического соседства и частичной дополняемости экономик. Опираясь на выстроенные (и формируемые) экономические «скрепы», а также наработанные за постсоветский период форматы взаимодействия в рамках Тюркского мира, российско-турецкий геостратегический диалог должен, в этой связи, заключать в себе возможность конструирования каждой из двух сторон собственной евразийской стратегии на малоконфликтной основе, используя практику необходимых компромиссов (уже наработанную в сирийском конфликте), с учётом взаимных интересов и договорённостей.

Выводы

Осуществляя стратегически значимый, необходимый (и практически неизбежный) «разворот на Восток» и продвигая интеграционную общеевразийскую повестку, Россия всё явственнее должна ощущать и позиционировать себя как государство – с весомой тюркской этнодемографической, этнокультурной составляющей, что требует смещения акцентов в её как внешней, так и внутренней (в том числе региональной) политике.

«Евразийская целостность» (как антитеза навязывания обширнейшим пространствам Евразии конфронтационных сценариев), возрождаемая в новом (существенно изменившимся за истекшую четверть века) геополитическом, геоэкономическом и геодемографическом контексте, способна базироваться не только на использовании потенциала взаимодополняемости экономик России и других тюркских государств, но и на активизации общегуманитарных (в том числе и научно-образовательных) аспектов их сотрудничества, позволяющих подкрепить выстраиваемые хозяйственные контакты столь необходимым ростом комплементарности национальных культур, чёткой фиксацией в массовом сознании позитива углубления стратегического сотрудничества.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 18-010-00015 «Модели, эффекты, стратегии и механизмы включения западного порубежья России в систему “горизонтальных” межрегиональных экономических связей в контексте формирования “Большой Евразии”».

Литература

1. Ильин И. А. О России. Три речи. 1926–1933. София: Изд-во «За Россию»1934. 78 с.
2. Савицкий П. Н. Континент-Океан (Россия и мировой рынок) / Континент-Евразия. М.: Аграф. 1997. С. 398–418.
3. Соловьев С. М. Сочинения. История России с древнейших времен. Т. 2. М.: Мысль. 1989. 347 с.
4. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. 497 с.
5. Әхмәтзәки Вәлиди Туған. Башкорттарҙың тарихы. Төрк һәм татар тарихы. Өфө. Китап, 1994.
6. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н. А. Тройницкого. т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. С.-Петербург, 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку.
7. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=1.
8. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. М.: Изд-во «Вузовская книга», 2012. 336 с.
9. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. Симферополь, 1881.
10. Патриарх объяснил преимущества России общей моралью православных и мусульман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/519793>
11. Ткаченко А. А. Иммиграция в Россию: новые тенденции XXI века // Мир новой экономики. 2014. № 3. С. 32–40.
12. Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И. Трудовые иммиграции в России: динамика и возможные последствия // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 1 (123). С. 91–100.
13. Федорко В. Н. Некоторые этногеографические аспекты населения сопредельных с Узбекистаном стран Центральной Азии // Ўзбекистон География жамияти ахбороти, 52-жилд. Илмий журнал. – Тошкент, 2018 йил. б. 54–69.
14. Казахстан в системе новейших геополитических и региональных трансформаций в Центральной Азии / Под ред. Ш. М. Надырова. Алматы: Мир. 2014. 180 с.
15. Безруков Л. А. Транссиб и Шелковый путь: глобальная инфраструктура и региональное развитие//ЭКО: Всероссийский экономический журнал. 2016, № 7. С. 21–36.
16. Radvanyi J. Quand Vladimir Poutine se fait géographe...// Hérodote. Géopolitique de la Russie, 2017. N° 166–167. Pp. 113–132.

17. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (Аналитический доклад). Москва, Научный эксперт, 2016. 84 с.
18. Надыров Ш. М. Теория и практика нового Экономического пояса Шёлкового пути // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2017 (6). С. 64-73.
19. Anıl Çeçen. Atatürk ve Avrasya // Avrasya Uygarlığın Yeni Yolu, Kızılelma Yayıncılık, İstanbul, 1998, s. 125–126.
20. Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.
21. Дружинин А. Г. Российско-турецкие отношения в постсоветском евразийском контексте: экономические факторы, тренды, перспективы // Научная мысль Кавказа. 2017. № 4. С. 5–12
22. Стегний П. Вдвоём на хартленде // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 1. С. 109–118
23. Давутоглу А. Внешняя политика Турции и России // Россия в глобальной политике. 2010. Т. 8. № 1. С. 60–70
24. Туран И. Турция на подъёме // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9. № 5. С. 124–138.
25. Дружинин А. Г., Геоэкономические взаимозависимости и геополитические альянсы в современном евразийском пространстве // Социально-экономическая география. Вестник АРГО, 2017, № 6, С. 24–38.
26. Надеин-Раевский В. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 84–92.
27. Druzhinin A. Russia in modern Eurasia: The Vision of a Russian Geographer // Quaestiones Geographicae, 2016, 35(3), 31–39.
28. «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>.
29. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

Druzhinin A. G.

Eurasian Vector in the Development of Modern Russia: Turkic Aspect

North-Caucasus research Institute of economic and social
problems, Southern Federal University, Russian Federation,
Rostov-on-Don
e-mail: alexdr9@mail.ru

Abstract. *The article accents the centuries-old correlations between Russia and Turkic world in the process of their spatial development. The author characterizes the specific positioning way of the regions with a large share of Turkic ethnic component in contemporary Russian Federation. There given the evidence for the necessity of deepening partnership between Russia and Turkic states in different integration formats.*

Key words: *social geography, spatial development, Russia, Turkic ethnic groups, Turkic states, Eurasian integration, "Greater Eurasia"*

References

1. Il'in I. A. O Rossii. Tri rechi. 1926-1933. Sofiya. Izd-vo «Za Rossiyu»1934. 78 s. (in Russian).
2. Savickij P. N. Kontinent-Okean (Rossiya i mirovoj rynek) / Kontinent-Evraziya. M.: Agraf. 1997 S. 398-418.(in Russian).
3. Solov'ev S. M. Sochineniya. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. T. 2. M.: Mysl'. 1989. 347 s. (in Russian).
4. Gumilev L. N. Drevnyaya Rus' i Velikaya Step'. M.: Mysl', 1989. 497 s. (in Russian).
5. Əhmətzəki Vəlidü Turan. Başkörttarzıñ tarıhy. Törk häm tatar tarıhy. Əfə. Kitap, 1994.
6. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj Imperii 1897 g. Pod red. N. A. Trojnickogo. t.II. Obshchij svod po Imperii rezul'tatov razrabotki dannyh Pervoj Vseobshchej perepisi naseleniya, proizvedennoj 28 yanvarya 1897 goda. S.-Peterburg, 1905. Tablica XIII. Raspreделение naseleniya po rodnomu yazyku. (in Russian).
7. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda. Nacional'nyj sostav naseleniya po respublikam SSSR. [Electronic resource]. URL: [http:// www.demoscope.ru / weekly / ssp / sng_nac_89.php?reg=1](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=1) (data dostupa - 25.01.2018) (in Russian).
8. Prostranstvo sovremennoj Rossii: vozmozhnosti i bar'ery razvitiya (razmyshleniya geografov-obshchestvovedov) / Otv. red. A. G. Druzhinin, V. A. Kolosov, V. E. SHuvalov. Moskva: Izd-vo «Vuzovskaya kniga», 2012. 336 s. (in Russian).
9. Gasprinskij I. Russkoe musul'manstvo. Mysli, zametki i nablyudeniya. Simferopol', 1881. (in Russian).
10. Patriarh ob"yasnil preimushchestva Rossii obshchej moral'yu pravoslavnyh i musul'man [Electronic resource]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/519793> (in Russian).
11. Tkachenko A. A. Immigraciya v Rossiyu: novye tendencii XXI veka // Mir novoj ehkonomiki. 2014. № 3. S. 32-40 (in Russian).
12. Rybakovskij L. L., Kozhevnikova N. I. Trudovye immigracii v Rossii: dinamika i vozmozhnye posledstviya // Vestnik Samarskogo gosudarpstvennogo ehkonomicheskogo universiteta. 2015.№ 1 (123). S. 91-100.(in Russian).
13. Fedorko V. N. Nekotorye ehtnogeograficheskie aspekty naseleniya sopredel'nyh s Uzbekistanom stran Central'noj Azii // Ўzbekiston Geografiya zhamiyati ahboroti, 52-zhild. Ilmij zhurnal. - Toshkent, 2018 jil. b. 54-69. (in Russian).
14. Kazahstan v sisteme novejsih geopoliticheskikh i regional'nyh transformacij v Central'noj Azii / Pod red. SH.M. Nadyrova. Almaty: Mir. 2014. 180 s.(in Russian).
15. Bezrukov L.A. Transsib i SHelkovyj put': global'naya infrastruktura i regional'noe razvitie//EHKO: Vserossijskij ehkonomicheskij zhurnal. 2016, №7. S. 21–36. (in Russian).
16. Radvanyi J. Quand Vladimir Poutine se fait géographe...// Hérodote. Géopolitique de la Russie, 2017 N° 166-167 pp. 113-132.
17. Kitajskij global'nyj proekt dlya Evrazii: postanovka zadachi (Analiticheskij doklad). Moskva, Nauchnyj ehkspert, 2016. 84 s. (in Russian).

18. Nadyrov SH.M. Teoriya i praktika novogo Ekonomicheskogo poyasa SHyolkovogo puti // Social'no-ehkonomicheskaya geografiya. Vestnik ARGO. 2017 (6). S. 64-73. (in Russian).
19. Anıl Çeçen. Atatürk ve Avrasya // Avrasya Uygarlığın Yeni Yolu, Kızılelma Yayıncılık, İstanbul, 1998, s. 125–126
20. Druzhinin A. G. Rossiya v mnogopolyusnoj Evrazii: vzglyad geografa-obshchestvoveda. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2016. 228 s. (in Russian).
21. Druzhinin A. G. Rossijsko-tureckie otnosheniya v postsovetskom evrazijskom kontekste: ehkonomicheskie faktory, trendy, perspektivy // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2017. № 4. S.5-12. (in Russian).
22. Stegnij P. Vdvoyom na hartlende // Rossiya v global'noj politike. 2015. T. 13. № 1. S. 109-118. (in Russian).
23. Davutoglu A. Vneshnyaya politika Turcii i Rossii // Rossiya v global'noj politike. 2010. T. 8. № 1. S. 60-70. (in Russian).
24. Turan I. Turkiya na pod'yome // Rossiya v global'noj politike. 2011. T. 9. № 5. S. 124-138. (in Russian).
25. Druzhinin A. G. Geoekonomicheskie vzaimozavisimosti i geopoliticheskie al'yansy v sovremennom evrazijskom prostranstve // Social'no-ehkonomicheskaya geografiya. Vestnik ARGO, 2017, № 6, S.24-38. (in Russian).
26. Nadein-Raevskij V. Vneshnyaya politika Turcii: vetry peremen // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2013. № 2. S. 84-92. (in Russian).
27. Druzhinin A. Russia in modern Eurasia: The Vision of a Russian Geographer // Quaestiones Geographicae, 2016, 35(3), 31–39
28. «Strategiya ehkonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda». Ukaz Prezidenta RF ot 13 maya 2017 g. № 208 [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (in Russian).
29. Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V.Putiny 30 noyabrya 2016 g.) [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (in Russian).

Поступила в редакцию 10.08.2018 г.